

ГЛАВА 9. СЕМЕЙНЫЕ ПРАВИЛА

Сюй Буэ и Е Букэ явились на место, едва прослышав о случившемся.

Сюй Буэ уставился на происходящее, вытаращив огромные, точно у быка, глаза. В них застыло ошеломление. Несмотря на вспыльчивый и прямой нрав, он не кинулся в драку немедленно.

А вот Е Букэ налился кровью. В его глазах, точно в раскаленных углях, тлея нестерпимая боль.

Его рука легла на эфес короткого меча.

Ножны, полные скорби.

Клинок, похищающий души.

Сюй Бусю крепко перехватил его запястье:

— Третий брат, не горячись. Еще не установлено, чьих это рук дело.

— Как же тут еще устанавливать?! — с ненавистью выплюнул Е Букэ.

Все замолчали.

Она была мертва. Она виделась с седьмым молодым господином семьи Хуа, и убила её «Игла, пронзающая сердце» — скрытое оружие тех же Хуа.

— В Терем, подпирающий небеса, никогда не заходят чужаки, — продолжал Е Букэ. — Шэнь Бумянь сегодня не покидала покоев. Кроме Хуа Маньлоу, у кого еще была возможность?

— Будь господин Хуа убийцей, он не выбрал бы столь очевидный способ, — возразил Сюй Бусю.

Гнев только что туманил ему разум, но теперь к нему вернулась ясность. Е Букэ, однако, был безутешен. Он не желал ничего слушать и по-прежнему выглядел так, будто готов в любой миг броситься в самоубийственную атаку.

— Господин Е, — мягко произнес Хуа Маньлоу, — у меня и в мыслях не было причинить ей вред.

— Но она умерла прямо перед твоими глазами! — вскричал Е Букэ.

Хуа Маньлоу промолчал.

— Господин Е, вы, должно быть, шутите, — вмешался Лу Сяофэн. — Если каждый свидетель становится убийцей, то толпу зевак на рыночной площади, наблюдающую за казнью, следовало бы поголовно признать палачами.

Сказано это было, возможно, резковато, но доля истины в его словах была.

Сюй Бусю сокрушенно покачал головой:

— Третий брат, тебе нужно успокоиться. Я знаю о твоих чувствах к деве Шэнь, но мертвых не воскресить. Поверь, нам всем не менее больно.

Е Букэ долго стоял неподвижно и лишь спустя время медленно убрал руку с эфеса. Он поднял Шэнь Бумянь на руки — осторожно, бережно, словно боясь потревожить чей-то сон. Глядя на его скорбь, остальные почувствовали, как сердце сжимается еще сильнее.

Дойдя до порога, Е Букэ внезапно замер.

— Хуа Маньлоу, — произнес он, не оборачиваясь. — Даже если ты не убийца, она погибла из-за тебя.

С этими словами он ушел.

Лу Сяофэн ободряюще коснулся плеча друга. Тело Хуа Маньлоу было напряжено, точно струна. Лу Сяофэн невольно вздохнул.

— Прошу господ проследовать за слугами в ваши покои, — устало проговорил Сюй Бусю. — Дождитесь возвращения Главы. Нам же с братьями нужно позаботиться о похоронах девы Шэнь. Позвольте откланяться.

Когда он и Сюй Буэ вышли, Лу Сяофэн с облегчением выдохнул.

— Брат Хуа, это явно не случайность. Кто-то тщательно продумал всё так, чтобы втянуть тебя в это дело.

Хуа Маньлоу молчал. Ему требовалась тишина, чтобы обрести былое равновесие. Лу Сяофэн, понимая, что слова Е Букэ всё еще терзают его душу, добавил:

— Послушай, если это был заговор, Шэнь Бумянь всё равно была бы обречена — пришел бы ты на встречу или нет.

— Возможно, — негромко отозвался Хуа Маньлоу. — Но если бы я не принял приглашение, у нее, быть может, осталось бы еще немного времени. Она могла бы еще раз вдохнуть аромат цветов, послушать пение птиц... просто пожить.

— В этом мире редко что-то идет по нашему желанию, — философски заметил Лу. — Сейчас лучшая забота о ней — как можно скорее найти истинного убийцу. Только так мы очистим твое имя и репутацию семьи Хуа.

Он легонько подтолкнул друга к креслу и продолжил:

— Знаешь, я заметил, что на ее губах застыла едва уловимая улыбка. Уверен, она уходила без мучений. Постарайся расслабиться. Когда придешь в себя, расскажи, что показалось тебе подозрительным. Вместе мы что-нибудь придумаем.

Хуа Маньлоу кивнул. Он не позволит этой девушке умереть напрасно.

Вскоре явился слуга и проводил их в гостевые покои. Комнаты оказались обставлены просто, но со вкусом, везде царил безупречная чистота. Лу Сяофэн зашел к Хуа Маньлоу и по-хозяйски устроился на стуле.

— Отдохни сегодня, брат Хуа. Утро вечера мудренее.

Хуа Маньлоу покачал головой и вдруг спросил:

— Лу, кого из моих братьев ты встречал?

— Виделся с пятым и шестым, — припомнил тот. — Благородные мужи, располагают к себе с первого взгляда.

— Верно. Пятый брат сосредоточен на делах, шестой — натура свободная. С ними всегда легко.

— И седьмого я тоже знаю, — усмехнулся Лу Сяофэн. — Красавец, одновременно и серьезный, и беспечный. Влюблен в жизнь, добр и невыносимо интересен. Такой нравится людям еще больше.

Услышав столь витиеватую похвалу в свой адрес, Хуа Маньлоу не сдержал улыбки. Напряжение наконец начало спадать.

— Привык я, что Лу Сяофэн вечно подтрунивает над другими, — подметил он, — но слышать от него такие комплименты — истинная честь.

Лу Сяофэн, довольный переменой в настроении друга, бодро отозвался:

— Никаких подначек, я всегда говорю прямо. Не так ли, Хуа Цитун?

Он и раньше слышал, как близкие называют Хуа Маньлоу «Седьмым ребенком», и это имя казалось ему необычайно теплым. Раньше он не решался употреблять его, боясь показаться слишком сентиментальным, но сейчас слово сорвалось с языка само собой.

Хуа Маньлоу на мгновение замер, а затем рассмеялся:

— Раз уж ты так меня называешь, мне придется, подобно Сыкун Чжайсину, звать тебя Лу Сяоци — Цыпленком Лу. Для справедливости.

— Какая же это справедливость?! — возмутился Лу. — Почему у тебя такое красивое прозвище, а мне досталось это недоразумение от Обезьяны Сыкуна?

Шутка помогла развеять мрак последних часов, но вскоре они вернулись к серьезным делам.

— На самом деле, — заговорил Хуа Маньлоу, — из семерых братьев только третий обучался искусству владения скрытым оружием. Остальные либо не захотели, либо не смогли.

— Не захотели — понятно, — удивился Лу Сяофэн. — Но почему «не смогли»?

— Отец установил семейное правило: «Литературные и боевые заслуги не должны идти рука об руку». Тот, кто выбирает путь чиновника и ученого, не должен обнажать меч. Тот, кто выбирает путь воина, не идет на государственную службу. Семья Хуа велика, и отец не желал, чтобы мы «зазывали ветер» — привлекали лишнее внимание, накликая беду.

Лу Сяофэн мысленно восхитился мудростью и прозорливостью Хуа Жулина. Влиятельная семья, где братья разделены по сферам деятельности, была гораздо менее уязвима для зависти и дворцовых интриг.

— Твой батюшка — человек выдающийся. Но ты ведь стал исключением, брат Хуа? Ты мастер и в слове, и в бою.

Договорив, Лу Сяофэн тут же пожалел о своих словах. Он мгновенно понял, почему для младшего сына было сделано исключение и почему Хуа Жулин поступился правилами.

— Из-за моей слепоты, — спокойно подтвердил Хуа Маньлоу. — Отец хотел, чтобы я знал как можно больше. Братья не учились всему сразу, чтобы избежать беды, а я учился всему именно ради того, чтобы выжить.

— Значит, только твой третий брат мог использовать «Иглу, пронзающую сердце»?

— Невозможно, — покачал головой Хуа. — Третий брат по делам семьи уехал в Ляодун еще в начале прошлого месяца и вернется только к середине этого. Его здесь быть не могло. К тому же, хоть он и любит возиться с механизмами, он никогда не применяет их вне дома. Отец давно запечатал павильон скрытого оружия и запретил кому-либо туда входить.

— Выходит, это точно не дело рук твоей семьи.

— Я думаю вернуться домой через пару дней, — добавил Хуа Маньлоу. — Нужно дождаться брата и расспросить его, как долго эта игла может находиться в теле, прежде чем убьет человека. Так мы узнаем, когда именно дева Шэнь была ранена.

— Я и сам об этом думал, — согласился Лу. — Возможно, в нее выстрелили несколько дней назад. Игла блуждала в теле и лишь сегодня достигла сердца.

Сидя в кресле, Хуа Маньлоу надолго погрузился в раздумья.

— Перед самой смертью, — негромко произнес он, — дева Шэнь сказала, что на самом деле ее фамилия не...

— Не Шэнь? — подхватил Лу Сяофэн.

— Похоже на то. Она хотела сказать что-то важное, но не успела.

В комнате повисла тишина.

— Она явно пыталась предупредить тебя, — задумчиво произнес Лу. — Но если она не Шэнь, то кто? Мы даже не знаем ее настоящего имени. В этом море фамилий как угадать ту самую?

Лу Сяофэн потер подбородок:

— Знаешь, этот Терем, подпирающий небеса, — странное место. Одна не Шэнь... а остальные? Кто поручится за их происхождение?

Сюй Буэ может не быть Сюем, Сюй Бусю — Сюем. Они живут под одной крышей, но знают ли они друг друга на самом деле? В этом мире вообще кто-нибудь знает правду о ближнем?

— Я ничего не знаю о Сюй Бусю и Сюй Буэ, — отозвался Хуа Маньлоу. — Но почему-то мне кажется, что Е Букэ мне знаком. Не по событиям последних дней... чувство такое, будто мы встречались раньше. Давно.

— И у меня возникло такое же чувство! — воскликнул Лу Сяофэн. — Как только увидел его, заподозрил неладное. Думал, просто мнительность, но раз и ты это почувствовал...

Он осекся и тут же поправился, решив не нагнетать:

— Впрочем, может, мы и впрямь ошибаемся. Не будем спешить с выводами.

— Возможно, — согласился Хуа. И вдруг добавил с улыбкой: — Кстати, дева Шэнь советовала мне с тобой не дружить.

Лу Сяофэн округлил глаза:

— Что?! Не дружить со мной?

— Сказала, что от тебя одни проблемы, и они вечно втягивают меня в неприятности. Ирония в том, что на сей раз я сам принес проблему в ее дом.

— Какая несправедливость! — Лу Сяофэн картинно надулся, в его ямочках на щеках заиграло напускное недовольство. — Мы же не нарочно их ищем.

Но не успел Хуа Маньлоу ответить, как Лу хитро прищурился:

— Ну, раз друзьями нам быть нельзя, давай станем братьями. Так даже лучше!

— Если ты придешь в семью Хуа, — рассмеялся Хуа Маньлоу, — тебе придется стать Восьмым. Буду звать тебя «младшим братом».

— Ну уж нет! — не согласился Лу Сяофэн. — Я явно старше тебя. По возрасту я должен быть Седьмым, а ты — моим Восьмым братом.

Он на секунду задумался и тут же передумал:

— Хотя нет, так тоже невыгодно. Лучше ты бери мою фамилию. Будем братьями Лу — так и приглядывать друг за другом проще, и связь крепче.

Сказано это было обычным тоном, но прозвучало как-то... двусмысленно. Сама фраза была странной, и оба это почувствовали.

Хуа Маньлоу негромко кашлянул, прерывая неловкость:

— Пожалуй, я останусь Хуа. А ты поступай как знаешь.

Лу Сяофэн почувствовал, как к лицу приливает жар — то ли от смущения, то ли от нелепости момента.

— Ладно, фамилия Лу и впрямь звучит лучше. Если бы тебя звали Хуа Сяофэн... боги, я в жизни не слышал имени, более подходящего для проходимца и бабника.

Хуа Маньлоу не выдержал и расхохотался.

— А ведь ты прав, — сквозь смех выдавил он. — Тебе эта фамилия подошла бы идеально.

Лу Сяофэн, видя, что тучи над душой друга окончательно рассеялись, лишь притворно вздохнул:

— Что за напасть... Сам себя подставил.

<http://bllate.org/book/17403/1657102>